

Петрова, 2019 – *Петрова Е. И.* Соотношение понятий «этнос» и «нация»: философский аспект // *Культура и цивилизация (Донецк)*. 2019. № 1(9). С. 61-71.

Почепцов, 1990 – *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопросы языкознания*. 1990. № 6. С. 110-122.

Рамазанова, 2019 – *Рамазанова П. Р.* Разграничение понятий «этнос» и «нация» в условиях национально-территориального устройства РФ // *Государственное и муниципальное управление. Учёные записки*. 2019. № 3. С. 292-297.

Стрельник, 2000 – *Стрельник О. Н.* Ментальность как предмет философского анализа // *Проблемы дидактики и содержания: Материалы Всерос. научно-практич. конф.* Калуга, 2000. 153 с.

Тимофеева, 2006 – *Тимофеева Е. А.* Национальный менталитет и этническая самоидентификация // *Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии*. 2006. № 8 (21). С. 116-119.

Тишков, 1993 – *Тишков В. А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации / Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М.: Б. и., 1993. 72 с.

Тишков, 2023 – *Тишков В. А.* Нация наций. О подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.

Хайдеггер, 2007 – *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М. Бытие и время: статьи и выступления*. СПб.: Наука, 2007. 621 с.

Хромова, 2017 – *Хромова Е. Б.* О некоторых подходах к исследованию феномена «Менталитет» в социально-гуманитарном знании // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2017. № 1. С. 223-233.

УДК: 159.923.2

Маркова Я. М.,

аспирант центра практической философии «Стасис» ЕУСПб

3. Фрейд, Ж. Лакан и диалектика тревоги при капитализме

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-1-51-63

Статья анализирует функционирование и роль аффекта тревоги в современном обществе с точки зрения психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и Жака Лакана, отталкиваясь от статистических свидетельств о повсеместности тревожных расстройств. Реконструируя психоаналитическую теорию аффекта, статья выделяет два вида тревоги: реалистическую и невротическую. Капиталистическое общество характеризуется как провоцирующее рост бессознательной невротической тревоги в ответ на снижение роли Большого Другого и распад органических

общественных связей. В статье формулируется модель диалектического взаимодействия между невротической и реалистической тревогой при капитализме. Реалистическая тревога по поводу возникающих опасностей типа пандемии COVID-19 используется медиа для отвода невротической тревоги. Это обеспечивает современные СМИ значительным ресурсом для манипуляции населением, а современному субъекту приносит временное облегчение от бессознательной и бесформенной тревоги, вызванной самой социально-экономической структурой общества.

Ключевые слова: психоанализ; капитализм; тревога; Зигмунд Фрейд; Жак Лакан; Большой Другой; СМИ.

Markova Y. M.,

Graduate student of Stasis Center for Practical Philosophy, EUSP

Z. Freud, Zh. Lacan, and the dialectic of anxiety under capitalism

The paper analyzes the functioning and role of the affect of anxiety in contemporary society from the point of view of the psychoanalytic theory of Sigmund Freud and Jacques Lacan, starting from statistical evidence of the ubiquity of anxiety disorders. Reconstructing the psychoanalytic theory of affect, the paper identifies two types of anxiety: realistic and neurotic. Capitalist society is characterized as provoking the growth of unconscious neurotic anxiety in response to the declining role of the Big Other and the disintegration of organic social ties. The paper outlines a model of dialectical interaction between neurotic and realistic anxiety under capitalism. Realistic anxiety about emerging dangers such as the COVID-19 pandemic is used by the media to deflect neurotic anxiety. This provides the modern media with a considerable resource for manipulating the population, and brings a temporary relief to the modern subject, who is suffering from the unconscious and formless anxiety caused by the very socio-economic structure of society.

Keywords: *psychoanalysis; capitalism; anxiety; Sigmund Freud; Jacques Lacan; Big Other; MASS MEDIA.*

Американская ассоциация тревожности и депрессии сообщает, что различные тревожные расстройства являются наиболее распространённым видом ментальных заболеваний, поражая 18% населения страны [ADAA, 2020]. Среди подростков эта цифра достигает 32% [NIMH, 2017]. Даже на фоне роста этих процентов в течение последних десятилетий прямо сейчас частота жалоб на тревожное или паническое состояние увеличилась в несколько раз: с начала пандемии COVID-19 число обращений за медицинской помощью с симптомами тревоги выросло на 634% [МНА, 2020]. В свете официального окончания пандемии имеет смысл задаться вопросом: является ли этот рост результатом случайных внешних факторов, включая пандемию, или он связан с

внутренними закономерностями современного капиталистического общества? Опираясь на психоаналитическую теорию, можно предложить объяснение, почему тревога, несмотря на свой элементарный характер для человеческого опыта, в современном преувеличенном виде является фундаментальным аффективным состоянием либерально-капиталистического общества. Это потребует провести концептуальное различие и показать связь между тревогой как эксплицитным, сознательным аффектом (который в том числе находит воплощение в вышеуказанной статистике заболеваний) и бессознательной тревогой, которая является действительным предметом исследования для Зигмунда Фрейда и Жака Лакана. Гипотеза статьи заключается в том, что, несмотря на рост осознаваемой тревоги, беспокойства по поводу вполне реальных угроз и соответствующих психиатрических расстройств, всё это является аффектом, а также защитой против растущей бессознательной тревоги, связанной с кризисом Большого Другого (*l'Autre*) [Lacan, 1966] в постиндустриальном капиталистическом обществе и внутренней логикой капиталистического общества и товарного производства вообще. Рост числа тревожных расстройств (а также медицинской индустрии, посвященной их исцелению), таким образом, рассматривается в статье не просто как прямое воплощение «духа времени», но как следствие растущей потребности в защите от бессознательной тревоги со стороны капиталистического субъекта и эксплуатации этой потребности властью, СМИ и медициной. Иными словами, речь идет о неравноправной сделке, в которой для спасения от бессознательной тревоги, свойственной капиталистическому обществу, субъекту предлагаются новые и новые поводы для тревоги сознательной, оправдывающие вмешательства и ограничения со стороны государства, но дающие психике субъекта временный отдых.

Полноценная теория аффекта в классическом фрейд-лакановском психоанализе отсутствует. Тем не менее, немногочисленные тексты Фрейда, эксплицитно затрагивающие эту тему, не только представляют большой интерес сами по себе, но и высвечивают особую роль тревоги/страха (*die Angst*), что (в сочетании с глубоким развитием этой темы у великого французского наследника Фрейда, Жака Лакана) позволяет плодотворно использовать психоаналитический подход к этому аффекту. Представление Фрейда о тревоге претерпело значительные изменения в ходе развития его теории. Ранняя его позиция, обозначенная в работе 1894 г. «Об основании для отделения определённого симптомокомплекса от неврастении в качестве “невроза тревоги”», заключалась в следующем: тревога – это подавленное либидо, прежде всего связанное с *coitus interruptus* [Фрейд, 2006а: 35-41]. Этой теории присущ биологизм, от которого Фрейд впоследствии отказался. Однако уже в этом раннем тексте ставится важный вопрос о различии между двумя типами тревоги. Фрейд формулирует его как вопрос о различии между кратковременным и направленным вовне аффектом тревоги и хроническим и происходящим изнутри неврозом тревоги: «Психику захлестывает аффект тревоги, если она чувствует себя неспособной... разделаться с *подступающей*

извне задачей (опасностью); она погружается в *невроз* тревоги, если ощущает себя неспособной устранить эндогенно возникшее (сексуальное) возбуждение» [Фрейд, 2006а: 46]. При этом, однако, эти два типа находятся в диалектическом отношении: в случае эндогенного невроза тревоги психика «ведёт себя, словно проецируя это возбуждение вовне» [Фрейд, 2006а: 46]. Связь между двумя типами тревоги будет важной в описании аффективной динамики современного капитализма.

Текст «Бессознательное» 1915 г. имеет двойную значимость для наших целей. Во-первых, здесь Фрейд впервые формулирует понятие бессознательного (вытесненного) аффекта: вопреки кажущейся парадоксальности этого словосочетания, Фрейд утверждает, что не только связанное с аффектом представление может быть вытеснено (в связи с чем аффект не распознается сознанием, пока не сместится на другое представление), но и сам характер этого аффекта может измениться в результате вытеснения его репрезентации. Из этой ситуации возможно три исхода: полное или частичное сохранение аффекта (и его связывание с другим представлением), его превращение в другой аффект и, наконец, полное подавление [Фрейд, 2006b: 147-148]. Во-вторых, особая роль здесь отводится аффекту тревоги/страха. Фрейд утверждает, что в случае, когда источник аффекта вытеснен, превращенный аффект практически всегда принимает форму страха: на него «обмениваются» все «вытесненные» аффекты» [Фрейд, 2006b: 148-149]. Как и в более ранней работе, тревога здесь оказывается результатом и симптомом вытеснения, однако этот тезис приобретает более общий характер: речь уже не идет о конкретном неврозе тревоги, связанном с сексуальной неудовлетворенностью, но о поведении аффектов в целом. Кроме того, подчеркивается бессознательный характер этой тревоги.

Вновь к теме тревоги Фрейд обращается только спустя десять лет, в тексте 1925 г. «Торможение, симптом и тревога». К этому моменту его взгляды претерпевают серьезные изменения, хотя некоторые ключевые темы более ранних работ сохраняются. Он все еще допускает, что тревога – это «отвод неиспользованного либидо» [Фрейд, 2006с: 281], однако ее функция радикально смещается: теперь она не является симптомом вытеснения, но, напротив, сама оказывается тем, что способствует вытеснению и симптомообразованию. Тревога, согласно позднему Фрейду, – это сигнал, который подает Я в случае ожидаемой опасности; разнообразные симптомы и торможения в таком случае оказываются способом этой тревоги (и, следовательно, вызвавшей ее опасности) избежать [Фрейд, 2006с: 270]. Тревога, таким образом, сама по себе – вполне «здоровая» функция психики; патологической ее делает соответствующее симптомообразование, как в случае фобии или невроза навязчивости.

Здесь Фрейд снова возвращается к проблеме из работы «Об основании для отделения...»: что отличает реалистическую тревогу от невротической? Психоаналитический теоретик культуры Рената Салецл в связи с этим вопросом предлагает уточнить традиционное различие между страхом и

тревогой. Обычно мы считаем, что страх связан с конкретным объектом, тогда как тревога безобъектна: когда мы тревожимся, мы боимся, но не знаем, чего именно [Salecl, 2004: 11]. Реалистическая, «здоровая» тревога у Фрейда совпадает с этим традиционным пониманием страха (Я видит возможность конкретной опасности и посылает организму сигнал об этом), однако с невротической тревогой (тревогой в собственном смысле слова) дела обстоят не так однозначно: она не лишена объекта вообще, но, скорее, связана с потерей объекта [Salecl, 2004: 12-13]: как напишет позднее Лакан, тревога «не без объекта» [Лакан, 2011: 111]. Невротическая тревога по Фрейду – это повторение переживания потери объекта в ситуации, когда такая потеря угрожает вновь; то есть тревога – это страх кастрации. Прообразом для страха кастрации (принимая разные воплощения на разных стадиях жизни: отлучение от груди, уход матери, непосредственный кастрационный комплекс, обвинения со стороны Сверх-Я и т. д.) становится рождение: ядерное, изначальное переживание беспомощности и потери [Фрейд, 2006с: 273-283].

Теория тревоги Лакана, на первый взгляд, – вопреки декларируемой верности отцу-основателю психоанализа, парадоксальным образом переворачивает его идеи: если для Фрейда тревога связывается с утратой объекта [Фрейд, 2006с: 290], то Лакан, напротив, определяет тревогу через определенный избыток, нехватку нехватки. Он замечает, что источником тревоги для младенца является не ритм приходов и уходов матери, но, напротив, ее постоянное присутствие [Лакан, 2010: 69]. Тревога, пишет Лакан, «не без объекта»: это присутствие объекта «маленькое *a*» там, где должна была быть лакуна, позитивное воплощение негативности [Лакан, 2010: 88-103]. Это, однако, не настолько противоречит Фрейду, как может показаться, ведь тот утверждает, что беспомощность, характеризующая базовое переживание тревоги, связана с накоплением возбуждения – то есть своего рода негативным присутствием [Фрейд, 2006с: 277-278]. Согласно Лакану, субъект создает фантазию, чтобы справиться с нехваткой, однако фантазия разрушается, когда в ее кадре возникает пугающий объект, которого там быть не должно; так Салецл приводит в качестве иллюстрации случай израильского военного, который во время боевых действий представлял, что смотрит фильм о войне, до тех пор, пока не увидел гору лошадиных трупов, – картину, которую он не видел ни в одном фильме, – и только тогда ужас происходящего пробил его защиту и надломил его [Salecl, 2004: 14-15]. Принципиально важна для лакановского понимания тревоги ее связанность с желанием Другого: тревога возникает, когда я не знаю, чего Другой от меня хочет. Наконец, тревога маркирует вход субъекта в символический порядок, кастрацию (здесь Лакан также согласен с Фрейдом): Другой лишает субъекта его наслаждения в качестве условия овладения языком, тревога же становится тем, что указывает на потерянное наслаждение по ту сторону символического [Salecl, 2004: 18], предупреждая и защищая субъекта от болезненного и даже смертельного столкновения с ним [Salecl, 2004: 32].

Для описания функции тревоги в современном капиталистическом обществе кажется уместным также дополнить классический фрейд-лакановский подход более социологизированной теорией эмоций Сары Ахмед. Не являясь в строгом смысле психоаналитической, она находится в тесных отношениях с психоанализом, активно используя понятия репрессии, сгущения и смещения. Разница, согласно самой Ахмед, состоит в том, что она, в отличие от психоаналитиков, понимает аффект и бессознательное не как нечто, принадлежащее субъекту, но как то, что конституирует субъект и включает его в свою более широкую, размывающую границы между психическим и социальным экономию [Ahmed, 2014: 44-46]. Это различие, однако, не кажется столь существенным, учитывая утверждение Лакана о том, что бессознательное – это дискурс Другого [Lacan, 1966: 16], и тот факт, что психоаналитики, начиная с самого Фрейда и заканчивая современными авторами, редко ограничивались рассмотрением индивидуального субъекта, расширяя психоаналитическую теорию на общество в целом. На этом основании кажется уместным включить элементы теории Ахмед в психоаналитическую интерпретацию тревоги – ее преимуществом в данном случае будет более пристальное, чем у Фрейда и Лакана, внимание к конкретным социально-политическим аспектам аффекта тревоги.

Ахмед утверждает, что аффекты циркулируют между телами и «прилипают» к ним, формируя и меняя их поверхность, производя само различие между «внутри» и «снаружи» субъекта [Ahmed, 2014: 4-7]. Это верно и для тревоги. Она не столько расположена в пугающем объекте или исходит из глубин психики тревожащегося субъекта, сколько существует в движении между ними, причем это движение как символическое (скольжение пугающей метки с одного объекта на другой под влиянием политического климата), так и феноменологическое: Ахмед пишет, что тревога связана с тем, что объект «проходит мимо», и в самом этом движении, как и в смещении объектов, аффект набирает свою силу [Ahmed, 2014: 64-68]. В этом «прохождении мимо» можно увидеть как фрейдовский страх кастрации (тревога не безобъектна, но также и не направлена на конкретный объект – она вызвана возможностью потери объекта), так и лакановскую нехватку нехватки: объект присутствует там, где его быть не должно. Однако важным вопросом для Ахмед, который не интересуется Фрейда с Лаканом, является конкретно-политический: кто боится кого и какой социальный эффект тревога оказывает на человеческие тела? Ответ Ахмед опять напоминает о психоаналитическом концепте кастрации: тревога заставляет тела съеживаться, занимать как можно меньше места в пространстве, не распространять себя дальше допустимого. Тревога снова связана с угрозой кастрации, но на этот раз кастрация имеет социально-политический характер: она указывает конкретным телам на их место, контролирует их перемещение, ограничивает их мобильность. В качестве примера Ахмед цитирует чернокожего философа и психоаналитика Франца Фанона, описывающего свое столкновение с расизмом. Испугавшийся Фанона ребенок бежит к своей матери, крича: «Look, a Negro!» – приближение

пугающего объекта заставляет его ограничить себя в пространстве, отступить в безопасную зону, – но тревога, направленная на черное тело, сама становится тревогой черного тела: Фанон пишет о том, как его улыбка застывает, тело сжимается, как вокруг замыкается кольцо страха [Ahmed, 2014: 62-63]. Этот пример иллюстрирует не только диалектику аффекта, циркулирующего между телами, но и его политическую роль: тревога ограничивает темнокожих и другие угнетенные группы людей в перемещении, угрожая им кастрацией. В качестве еще одного очевидного примера можно привести тревогу, которую испытывает женщина, когда планирует свой вечер с учетом необходимости возвращаться домой и опасается необходимости идти ночью по улице в одиночестве.

Здесь можно перейти к непосредственному анализу роли тревоги в современном капиталистическом обществе. Как писал Карл Маркс, «в рамках денежного отношения ... узы личной зависимости, различия происхождения, образования и т. д. действительно подорваны и разорваны; кажется, будто индивиды независимо ... свободно сталкиваются друг с другом и обмениваются друг с другом в рамках этой свободы»; капиталистическое общество разрушает прямое принуждение, однако замещает его еще более тотальным, но абстрактным принуждением капиталистических общественных отношений [Маркс, 1968: 72-75]. В таком случае, тревога как способ контролировать пространственные перемещения тел оказывается заменой старым формам принуждения. Замкнутость в семье или общине, рабство, расовая сегрегация, запрет появляться в публичных местах и т. д. – постепенно капиталистическое общество отбрасывает эти формы контроля над группами людей. Однако на смену им приходит обезличенное движение аффекта, выполняющее ту же функцию, но без видимости принуждения. Ключевую роль в поддержании такой тревоги, безусловно, играют СМИ: криминальные сводки, графические изображения насилия, новости о катастрофах действуют как постоянное напоминание тем, кому есть чего бояться, что они должны продолжать бояться.

Эта тенденция, свойственная западному обществу в целом и ускоряющаяся по мере развития СМИ, пережила огромный взлет 11 сентября 2001 г. в результате террористической атаки на Башни-близнецы. Как пишет Салецл, если в 1990-е гг. жителям Запада казалось, что они живут в эпоху окончательной виртуализации, где ничто реальное не может угрожать свободной игре образов, то международный терроризм разрушил эту фантазию, став тем самым невыносимым объектом на месте нехватки, воплощенной негативностью [Salecl, 2004: 1-9]. Циркуляция тревоги теперь вовлекает всех: никто не может знать заранее, кто окажется террористом, а кто – его следующей жертвой. Эта тревога, по словам Салецл, активно подогревалась властями и СМИ: в первые месяцы после теракта предупреждения об опасности террористических атак объявлялись каждые три недели строго перед выходными [Salecl, 2004: 4-5].

Фигура международного террориста играет особую роль и в теории Ахмед. С одной стороны, при помощи самотиражирования в медиа террор

стремится «кастрировать» Запад, ограничить его притязания, лишить его символической (и реальной) власти. С другой стороны, в дискурсивном пространстве Запада террорист выступает как тот, кто ограничивает движение граждан (и потоков капитала) либерально-капиталистического мира, пытаясь, опять же, их «кастрировать»: назло этой фигуре звучат призывы к путешествиям и международной торговле – и, разумеется, к патриотическому объединению нации против врага. Наконец, политическая мобилизация ради противостояния этой фигуре в свою очередь подразумевает использование тревоги: слежка, досмотры, вмешательство в частную жизнь и другие проявления секьюритизации и государственного контроля за непосредственной жизнью граждан перенаправляют аффект и ограничивают в пространстве новую группу людей: на этот раз – всех тех, кого в силу этнических признаков можно по умолчанию подозревать в терроризме [Ahmed, 2014: 71-80]. Все это, на наш взгляд, иллюстрирует, как аффект тревоги, транслируемый через медиа, используется в современном мире для управления населением в отсутствие механизмов прямого принуждения.

Салецл упоминает еще одно событие, предшествовавшее выходу мирового терроризма на сцену и предвосхитившее всепроникающую тревогу, которую он принес западному обществу: эпидемию СПИДа. Вирус и террорист – это два в некотором смысле взаимозаменяемых невидимых объекта, угрожающих обществу изнутри и грозящих в любой момент разрушить фантазию, столкнув субъекта с насилием реального [Salecl, 2004: 4]. Тем актуальнее это наблюдение становится сейчас, когда пандемия COVID-19 вызвала рост тревожных расстройств как минимум на 634% [МНА, 2020]: ведь по вездесущести и вирулентности вирус на пике пандемии значительно опережал ВИЧ. Кроме того, коронавирус не только индуцировал тревогу, которая заставляла нас съеживаться и самостоятельно ограничивать свое перемещение в пространстве, но и становился поводом для введения прямых запретов, – подчас намного более суровых, чем то, к чему нас прежде принуждала борьба с терроризмом.

Тем не менее, как кажется, перечисленных выше явлений недостаточно для полного описания того, как тревога функционирует в современности во всей ее специфике. Во-первых, дискриминация отдельных групп населения, международный терроризм, пандемии и другие бедствия, безусловно, заслуживают страха и тревоги, однако ничего не говорят об особом характере современности. Ко всему этому, конечно, можно добавить растущую прекарность труда, неуверенность в будущем, финансовые кризисы, однако пугающие вещи случались всегда, да и контроль над населением посредством страха – это не современное изобретение, неслучайно Ахмед цитирует Макиавелли: «Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх» [Макиавелли, 1982: 349]. Да, современность характеризуется невероятной ролью СМИ, которые аффицируют общество. Однако, на наш взгляд, зависимость между тревогой и

капитализмом более глубокая и имеет отношение не только к медиа, но к самой структуре общественных отношений.

Здесь следует вернуться к началу и вспомнить о различии между двумя типами тревоги в психоанализе: реалистической и невротической. Именно о последней, о тревоге в собственном смысле, Лакан писал, что она связана не столько с нехваткой или угрозой со стороны конкретного объекта, сколько с избытком, с нехваткой нехватки, с наслаждением (*jouissance*). Желание, по Лакану, – это нехватка, и тревогу вызывает не желание или требование Другого само по себе, но его отсутствие или неопределенность, то есть – нехватка нехватки в Другом.

Выше мы ссылались на Маркса, описывающего, как переход к капитализму разрушает отношения личной зависимости в пользу зависимости абстрактной. В отличие от предшествовавших капитализму исторических формаций, где труд либо был самоочевидной частью жизни (в случае общины или цеха) либо включал в себя явный элемент принуждения (в случае крепостничества или рабства), капиталистический рабочий обнаруживает себя формально свободным выбирать, где, как и за какую цену продавать свою рабочую силу. С точки зрения либеральной идеологии, сделка между рабочим и капиталистом – это свободная сделка равных; в каком-то смысле рабочий сам является предпринимателем, который на свой страх и риск вкладывает рабочую силу в то или иное предприятие. Тем более этот характер идеологии акцентируется сегодня, в период победившего неолиберализма и «бизнес-онтологии», которая по умолчанию рассматривает всех социальных акторов как предпринимателей [Фишер, 2010]. Можно сказать, что, с марксистской точки зрения, все это является идеологической маской классовой эксплуатации, однако факт остается фактом: капиталистический субъект ощущает себя как никогда прежде свободным и определяющим самого себя – то есть свободным от требования Другого.

Салецл пишет, что в последние десятилетия императив «быть собой» стал доминирующим в массовой культуре Запада. Если прежде культура часто требовала соответствия какому-либо идеалу (будь то идеал потребления, достатка или внешности), то теперь журналы и передачи транслируют необходимость найти себя, отыскать то, что приносит наслаждение именно тебе, быть собой [Salecl, 2004: 30-31]. Этот культурный императив выносит на поверхность сущность капиталистической субъектности, которая заключается (по крайней мере, на идеологическом уровне) в автономии и самоопределении. Сама по себе утрата опоры в требовании Другого, необходимость самостоятельно определять себя во всех сферах и деталях жизни, большая часть которых прежде никогда не была предметом выбора и не зависела от субъекта, – это огромный фактор роста невротической тревоги. С другой стороны, реализовывать себя предлагается через рынок потребления, который подобен той самой гиперпекающей матери у Лакана [Лакан, 2010: 69]. Рынок, создающий спрос с помощью рекламы, перенасыщенный предметами потребления и обещаниями опыта на любой вкус, действует подобно ей: все,

что мы захотим, предлагается нам еще до того, как мы осознаем свое желание, все вокруг кричит о наслаждении, которым мы должны воспользоваться. Мама всегда рядом с ребенком и «подтирает ему попу» [Лакан, 2010: 69], не оставляя места для пустоты – то есть для желания. При этом товар – как с точки зрения производства, так и с точки зрения потребления – является продуктом отчуждения. Таким образом, при капитализме мы постоянно окружены сменяющимися друг друга объектами, представляющими собой овеществленную негативность, и от нас требуется постоянное наслаждение этими объектами при практически полном отсутствии требования со стороны Другого или нехватки – то есть желания – в нем.

Относительно недавним развитием, безусловно, следующим той же тенденции, стал постепенный захват логикой рынка того, что автономисты называют *commons* [Caffentzis & Federici, 2014]: в частности, языка, общения, информации. Иллюстрацией этого распространения рыночной логики стали социальные сети – еще одно воплощение гиперопекающей матери: бесконечная лента, переполненная яркими стимулами, алгоритмы, рекомендуемые контент на основании вкусов пользователей, группы, стягивающие людей с похожими взглядами – все это обещает еще больше наслаждения и еще меньше требует, кроме требования требовать от себя самого быть собой и реализовывать себя наилучшим способом.

Помимо идеологии, существующей на уровне индивида, есть и глобальный уровень: представление об устройстве общества в целом, – и здесь, как утверждает Салецл, доминирует отрицание нехватки [Salecl, 2004: 40-42]. Несмотря на угрозы со стороны терроризма или вирусов, капиталистическая идеология продолжает настаивать на отсутствии фундаментальных антагонизмов, на гладкости и неразрывности фантазии. Даже политическая борьба внутри западных обществ перешла на уровень локальных столкновений и фрагментированных идентичностей [Dean, 2012: 53-67]. Марк Фишер называет эту идеологическую ситуацию «капиталистическим реализмом»: главный тезис идеологии современного неолиберального капитализма заключается в том, что у неолиберального капитализма нет жизнеспособных альтернатив, как нет и фундаментальных разрывов внутри него [Фишер, 2010]. В качестве яркой иллюстрации тезиса о том, что «легче представить конец света, чем конец капитализма», Фишер приводит фильм «Дитя человеческое»; Салецл же показывает, как современное искусство одержимо демонстрацией всего, что прежде было скрыто (например, она цитирует несколько перформансов, связанных с демонстрацией публике внутренних полостей тела художника) – с тем, чтобы продемонстрировать: все прозрачно, ничего не скрыто, бояться нечего [Salecl, 2004: 24-29].

Все это, однако, не работает по очевидным причинам: как показывает психоанализ Лакана, подлинная бессознательная тревога вызывается не нехваткой, но ее отсутствием. Борьба капиталистической идеологии против нехватки, ее стремление стереть следы разрывов на социальной ткани, а индивида научить не зависеть от желания Другого и полагаться только на себя

в действительности только способствует росту невротической тревоги. Даже фармакологическая индустрия и психиатрия, обещающие избавление от тревожности при помощи нужных медикаментов или серии сессий когнитивно-поведенческой терапии, с этой точки зрения, подогревают бессознательную тревогу: если тревога и нехватка обозначаются как нечто, от чего нужно избавиться, что не позволяет эффективно жить и наслаждаться, то закономерным эффектом будет рост тревоги неосознаваемой, тревоги-штрих. Современная капиталистическая культура заставляет нас тревожиться о том, чтобы не тревожиться, – и это вызывает только еще большую тревогу.

Является ли это парадоксальное замыкание случайностью – или это результат намеренной политики? Едва ли можно говорить о том, что капиталистическое общество направляют чьи-то сознательные интересы, поскольку капитализм – это децентрированная система. Тем не менее, очевидно, что, во всяком случае, для фармакологии и психиатрии складываются очень выгодные условия: фактически, они сами создают спрос на себя. Однако кажется, что власть в широком смысле и СМИ также активно используют сложившуюся ситуацию, оборачивая ее в свою пользу. Салецл пишет, что, поскольку тревога от отсутствия требования Другого для нас невыносима, мы ищем новые способы обрести опору и уверенность вовне себя, – отсюда, по ее мнению, популярность колонок с советами по той или иной теме, литературы в жанре *self-help*, а также различных сервисов с подпиской, собирающих вокруг себя прочное сообщество клиентов: они замещают для нас распавшегося Другого семьи, религиозной общины и т. д. [Salecl, 2004: 34-38].

Кажется, что эту логику можно развить, и здесь будет уместно вспомнить о тревоге первого, реалистического типа, о которой было сказано выше, – в частности, о тревоге по поводу террористических атак или заразных болезней. Что, если эта тревога (и задающие ее требования и рекомендации властей и ученых) – не только средство контроля со стороны власти, но и защитный механизм для нас самих? Как писал Фрейд [Фрейд, 2006с: 270], невротическая тревога сама по себе не является симптомом, но провоцирует их формирование – однако, замечает Салецл, симптомы могут в свою очередь вызывать тревогу [Salecl, 2004: 12] – по всей видимости, речь уже идет о тревоге как аффекте, превращенном в результате вытеснения [Фрейд, 2006b: 148]. Иными словами, сознательно переживаемая тревога может выступать в качестве симптома, в качестве защиты против тревоги бессознательной. Мы цепляемся за тревогу по отношению к террористам, вирусам, катастрофам, даже финансовой нестабильности; все это вполне реальные опасности, испытывать тот или иной объем тревоги по поводу которых совершенно нормально и разумно. Однако в ситуации капитализма с его исчезающим Большим Другим и перенасыщенностью наслаждением эти тревоги могут становиться защитой против распада психики. Мало того, что они сами по себе указывают на конкретную опасность и предъявляют понятные требования (носить маску, откладывать деньги) – они также эксплуатируются правительствами и СМИ, чтобы давать четкие указания, которых нам так не хватает. Власти же охотно

используют потерянность и невротическую тревожность людей, давая им то, что им нужно, – яркие и пугающие, но понятные поводы для беспокойства, – взамен получая возможность осуществлять контроль, оправдывать вмешательство в личную жизнь, ужесточать законодательство, урезать социальные пособия или ограничивать миграцию под предлогом борьбы с терроризмом или безработицей (а значит – преступностью) – и так далее.

Особую роль в этой не вполне равноправной сделке играет наука и ее публичная форма, экспертное знание, – именно она, как кажется, становится основной инстанцией Большого Другого, от которого исходят требования в адрес современного субъекта. Особенно ясно это было видно на примере прошедшей пандемии, когда новости и социальные сети заполнены (часто противоречащими друг другу) сведениями о статистике заболеваемости, эффективных способах лечения, возможных последствиях инфекции и т. д. Кажется, будто наука не выдвигает требований, только сообщает информацию – однако «рекомендации ученых» сегодня очевидно претендуют на место требований Большого Другого, что видно и по тому, с каким богоборческим пафосом COVID-диссиденты отрицали эти рекомендации, и по тому, как «лоялисты» отвечали им презрением и ненавистью. В конце концов, когда Бог велел Адаму не есть с дерева познания, его формулировка не так уж отличалась от современных предупреждений ученых: «От дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:17), – а в статусе Бога как Большого Другого сомневаться не приходится.

Подводя итог, можно утверждать, что в современном либерально-капиталистическом обществе тревога действительно играет ключевую роль, однако не просто в качестве монолитного «духа времени», но в качестве диалектического взаимодействия двух форм – сознательной и бессознательной, реалистической и невротической. Очевиден тот факт, что СМИ и правительства активно нагнетают тревогу вокруг угроз терроризма, инфекций и катастроф, – а опасности, связанные с прекарностью труда, финансовыми кризисами и неолиберальным урезанием социальной поддержки со стороны государства, неотделимы от современных общественных отношений. Тем не менее, все это представляет только половину механизма капиталистической тревоги. Опираясь на теорию Лакана, можно утверждать, что капитализм как таковой – с его идеологией безальтернативности, исчезающим Большим Другим, требованием автономии и самоопределения и потребительским рынком, обещающим бесконечное наслаждение, – сам по себе продуцирует невыносимую бессознательную тревогу у субъекта. В этой ситуации тревоги по поводу понятных угроз могут использоваться как защитный механизм и как замещение для недостающего требования со стороны Большого Другого – и СМИ и власти, подкрепляемые авторитетом науки, активно снабжают тревожного субъекта способами канализации зашкаливающей невротической тревоги. При этом на социальном уровне тревога – как показала Ахмед – активно используется для контроля, регуляции перемещения индивидов и оправдания более жёсткого регулирования. Таким образом, можно говорить о

том, что современный субъект, страдая от невротической тревоги, вызванной внутренним устройством капиталистического общества, в некотором смысле сам стремится поддерживать сознательную тревогу на высоком уровне и легитимирует ее использование властными инстанциями в целях усиления контроля, который приносит ему временное успокоение.

Список литературы

Лакан, 2010 – *Лакан Ж.* Тревога. Семинар, Книга X (1962/1963). / Пер. с франц. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос. 2010.

Макиавелли, 1982 – *Макиавелли Н.* Государь // Избранные сочинения. / Пер. с ит. Г. Муравьевой. М.: Художественная литература, 1982. С. 301–378.

Маркс, 1968 – *Маркс К.* Введение // Собр. соч., т. 46, ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 28–293.

Фишер, 2010 – *Фишер М.* Капиталистический реализм. Альтернативы нет? / Пер. с англ. М.: Ультракультура 2.0, 2010.

Фрейд, 2006а – *Фрейд З.* Об основании для отделения определённого симптомокомплекса от невращения в качестве «невроза тревоги» // Собр. соч., т. 6. / Пер. с нем. А. Боковинова. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 25–49.

Фрейд, 2006b – *Фрейд З.* Бессознательное // Собр. соч., т. 3. / Пер. с нем. А. Боковинова. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 129–186.

Фрейд, 2006с – *Фрейд З.* Торможение, симптом и тревога // Собр. соч., т. 6. / Пер. с нем. А. Боковинова. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 227–308.

АДАА, 2020 – Facts & Statistics. // American Depression and Anxiety Association, 2020. URL: <https://adaa.org/about-adaa/press-room/facts-statistics> (дата обращения: 27.05.23).

Ahmed, 2014 – *Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. Second edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

Caffentzis, Federici, 2014 – *Caffentzis G., Federici S.* Commons Against and Beyond Capitalism. // Community Development Journal. Vol 49. № S1. January 2014. P. 92–105.

Dean, 2012 – *Dean J.* The Communist Horizon. London, New York: Verso, 2012.

МНА, 2020 – Number Of People Reporting Anxiety And Depression Nationwide Since Start Of Pandemic Hits All-Time High In September, Hitting Young People Hardest // Mental Health America. URL: <https://www.mhanational.org/number-people-reporting-anxiety-and-depression-nationwide-start-pandemic-hits-all-time-high> (дата обращения: 27.05.23).

НИМН, 2017 – Any Anxiety Disorder // National Institute of Mental Health, November 2017. URL: <https://www.nimh.nih.gov/health/statistics/any-anxiety-disorder.shtml> (дата обращения: 27.05.23).

Lacan, 1966 – *Lacan J.* Écrits. Paris: Seuil, 1966.

Salecl, 2004 – *Salecl R.* On Anxiety. London and New York: Routledge, 2004.